

КОГДА-ТО В ДЕТСТВЕ...

Так и не рождённые рассказы.

Самоинтервью. Со мною же, только маленьким.

Когда-то в детстве я ходил парикмахерскую, которая был рядом с домом, который все называли «Косой» (Я о нём потом, как-нибудь, расскажу)... В парикмахерской было два «зала»: прямо женский, он побольше, а направо – мужской. И в мужском зале был парикмахер, у которого волосы росли только сзади и сбоку, а впереди и сверху ничего не было. Лысина. И вот этот парикмахер был похож на букву «Г». Потому, что он так был согнут. Я думал, что это он по профессии такой. Пока не увидел, что он и по улице ходит так. Похожий на конькобежца, у которого коньки длинные и дистанция тоже. У него был радикулит.

А теперь и я сам так хожу. Как конькобежец на дальние дистанции. Их, кажется, стайлерами звали. Или зовут ещё. А которые быстро бежали и на короткие дистанции – их звали спринтеры. Или до сих пор зовут. Я не знаю. Но только хожу теперь, похожий на стайлера, который с длинными коньками. И на парикмахера.

* * *

Когда-то в детстве я увидел в универмаге катер. Он был пластмассовый. Синий сверху, а снизу – красный. И эту линию между этими цветами кто-то мне подсказал, что ее называют ватерлинией. Но о ней я потом еще расскажу. Этот катер жужжал своим моторчиком. Купить его было нельзя. Я уже разобрался в ценах и понял, что... Но главное, что я увидел рядом! Это были просто моторчики! Они работали на батарейках КБС за 17 копеек. Плоские такие, а моторчик от них жужжал! Но были такие удивительные моторчики, и у них был вал. Вал! Это то, что надо, чтобы сделать подводную лодку. Или даже корабль. Главное, чтобы батарейка КБС туда влезла. Я долго думал, как туда, в мой корабль засунуть эту большую «кабээску». Но оказалось - продавались еще и маленькие батарейки. Они назывались «Крона». Но стоили в два раза дороже. Пришлось купить. Корабль я сделал и запускал его в ванной.

Куда он делся, тот кораблик? И моторчик к нему.

* * *

Когда-то в детстве у нас был общий балкон с нашими соседями: дядей Витей и тетей Галей. И у нас были две (или два?) кошки (или кота?). Откуда они взялись, я не помню. Но оба (обе) были сиамские кошки (коты). Ну, в общем, у нас кошка Малька, а у них кот Лобан. А балкон у нас был на третьем этаже. И вот весной наша Малька пропала. И у тети Гали с дядей Витей их Лобан пропал. Оба пропали. Навсегда.

* * *

Когда-то в детстве я мечтал быть моряком. Я еще кое-как ходил и хранил свои игрушки и пластилин под батареей в бабушкином доме. А потом стало шумно и весело. Потому что с черноморского флота пришел дядя Вася. И все пели «черноморский наш герой». Он был высокий, красивый и веселый. И все во дворе потом завидовали, что у меня такой красивый моряк дядя Вася. И я сам себе завидовал. А моряком так и не стал.

Не знаю - почему? С таким-то дядей.

* * *

Когда-то в детстве я объелся халвы и вишневого варенья. До сих пор их не люблю.

* * *

Когда-то в детстве, в детском садике все не любили пенки на молоке. А я нет.

* * *

Когда-то в детстве я, наоборот, не любил в борще капусту и лук. А теперь капусту в борще я люблю, а к луку равнодушен.

Что время с людьми делает!

* * *

Когда-то в детстве у меня была такая привычка: я ночью хотел сладкую воду. Просто – сахар и вода. И каждую ночь, когда я просыпался, мама тоже просыпалась, клала в стакан ложку сахара. Немного звенела ложечкой. И я пил.

А папа спал.

* * *

Когда-то в детстве я не помнил всех игроков всех футбольных команд. А Федя – сосед по нашей коммунальной квартире – знал. И еще он знал: кто на какой минуте кому и сколько забил. Он выписывал газету «Советский спорт». Там были большие фотографии – кто как прыгнул или ударил ногой. Или головой. Теперь Федя кандидат наук и автор учебников по химии. Живет в Москве.

А я нет.

* * *

Когда-то в детстве я ни разу не ел конины. А соседи наши были из татар. И детей в нашем доме была целая куча. Больше, чем взрослых. Раза в два. И если кого-то звали есть, то кормили тогда всех, кто придет. Всех подряд.

Вот так я в первый раз поел конину. Она была жесткая, но вкусная. С картошкой. И жили мы дружно.

* * *

Когда-то в детстве нам не разрешали идти в школу, когда мороз был минус 25. Об этом передавали по радио. Вот это был праздник! Все катались с горок и бегали по улице. А один соседский мальчик, его тоже Федей звали, любил рыбалку и ушел на Волгу. И не вернулся. Его нашли. Он сидел над лункой с удочкой в руке.

Просто уснул. И замерз.

Похоронили по татарскому обычаю. Он татарин был. И семья хорошая.

* * *

Когда-то в детстве мы переехали в большой новый дом. Недалеко от нашего поселка. Семья Федей, который на Волге замерз, тоже получила квартиру. На четвертом этаже. И все в доме друг друга знали. И знали, что когда тетя Фатима была недовольна дядей Закиром, он всегда открывал окно. А потом тихо говорил: «Фатима, киль менде». Это значило – «иди сюда». А потом, когда она подходила к нему, он показывал в вниз и говорил: Пасматри – какой этаж живём!

Тетя Фатима долго потом не ругалась на дядю Закира. А работали они на заводе с моим отцом. Поэтому и квартиры получили вместе. Только мы жили на третьем этаже. А они на четвертом.

* * *

Когда-то в детстве я не любил спать днем. Я был совсем маленький, и мама знала, что спать мне было надо. Она укладывала меня к стенке. Сама ложилась с краю и пела мне. Убаюкивала. Только она засыпала. А я нет. И тихо перебирался через нее погулять.

Иногда мне удавалось.

* * *

Когда-то в детстве у меня был нож. Немецкий штык. У него было кольцо. У ручки. Его немцы надевали на ствол во время атаки. Этот, наверное, немец не успел надеть. Штык лежал у нас в сарае. На верстаке. А за домами к нас были «горы». Там все время что-то копали и это называли «горы». Туда через огромные камыши вела тропка. И мы накопили там и немецких касок и ленты пулеметные. Вот и этот штык. В войну здесь был фронт. И мины были, и гранаты. Каждый год, осенью, в школу кто-то не приходил – взрывался на mine. Или приходил без ноги. А этим штыком кололи свиней. У каждого в сараях жили свиньи, куры или даже утки.

Летом мы каждый день купались на Волге. Я похвастался этим штык-ножом. И у меня его украли.

Вот так заканчивалась война.

* * *

Когда-то в детстве день был длинным – предлинным. Особенно воскресенье.

А теперь дни стали короткими. И годы тоже.

* * *

Когда-то в детстве мой диван – оттоманка стоял у печки. На ней висела карта мира. Большим красным пятном на ней был СССР. И я знал все государства. И их столицы. Наизусть! Теперь этих стран стало раза в два больше. Земля все та же. Откуда они берутся?

* * *

Когда-то в детстве к нам зашла цыганка. Сказала: Э! Дайте на хлеб. Мама вынесла полбуханки. А цыганке это не понравилось. И она маме сказала: Э! Я тебя не хлеб просила, а на хлеб!

Плюнула, бросила полбуханки и ушла.
А мы эти полбуханки доели.

* * *

Когда-то в детстве папа работал на заводе. На нем работал весь поселок. И производство его было вредное. У всех детей от производства были плохие зубы. Всем, кто работал на заводе, давали талоны «на молоко». За вредность. Но молоко не брали, а талоны копили. Раз в месяц их «отоваривали». Это значит, что в столовой их переводили на продукты. Как-то раз мама сказала: сходи в столовку, возьми на талоны колбасы. В столовке мне дали целый батон колбасы и батон хлеба. Когда я шел, колбаса сильно пахла. Потому, что я поднимал ее выше, чтобы не откусили собаки. Они так и бежали за мной от самой столовки. И я боялся не за себя, а за колбасу.

А теперь собаки за колбасой не бегают.

* * *

Когда-то в детстве я различал на том берегу Волги дядек и тётек.
А теперь у меня на столе четверо очков.

* * *

Когда-то в детстве на хутор съезжалась родня. Вечером, когда тенечек, ставили стол посреди двора перед домом. Жарилось, варилось и пеклось в печке. Печка под навесом стояла. Потом становили самовар и садились за стол. Радовались друг дружке, выпивали и ели уху и жареную рыбу. А потом пели песни. И бабаня и ее сестры любили одну песню. Только пели ее на непонятные слова. «Окрасился месяц багрямскамс...» Что такое «багрямскамс» они не знали. Не знал и я в детстве.

А теперь знаю. Только бабушек уж нет. А любимые ими песни остались.

* * *

Когда-то в детстве я думал, что все вещи и предметы взялись откуда-то.
Оказалось, что все это сделано людьми.

* * *

Когда-то в детстве я мечтал о том, чтобы телевизор можно было посмотреть где-то «без розетки». За Волгой. Или как-то связаться с кем – то, кого любишь. В любую минуту. Где бы ни был.

Прошло полвека. И все это теперь банально.

* * *

Когда-то в детстве я с пацанами поехал «за Волгу». Кто-то на моторке ехал туда и обратно. А песок на косе там был отменный! Вот и хотелось туда. Напросились на горячий чистый песок. А то у нас, на нашем берегу его было мало. Ну, перевез он нас, в одних плавках. Жара, весь день на солнце. До тенька была еще горячая коса и затон. Там бы и перетерпели. Но надо было ждать лодку. Сидели в воде, от жары. Ждали моторку. А ее не было. И есть захотелось – прямо страшно! А забрали со своего берега только пачку курева и спички. Наловили ракушек. Их жарили на костре и ели.

Мы потом три километра шли до пристани и обратно нас речной трамвайчик вез бесплатно: все, кто был «за Волгой» считался взявшим билет в обе стороны.

Сейчас этих ракушек называют мидии и стоят они больших денег. Кто-то отказался. А зря. У меня до сих пор вкус этих речных мидий.

Мы о них, когда купались, резали ноги. До крови.

* * *

Когда-то в детстве я хотел быть взрослым. Курили «бычки». Мне не нравилось.

И до сих пор не нравится быть взрослым. И как все. Окружающие, наверное, смеются над этим. Только открыто не показывают.

И правильно делают. Буду жить в неведении.

* * *

Когда-то в детстве мне нравилось радио. Когда в летние каникулы оно висело на бабушкиной хате и говорило о каких-то далеких краях. И пело песни, от которых становилось хорошо и необычно. Я эти чувства никак не объяснял. Но чувствовал очень.

Потом я во многих тех краях побывал. О которых говорило радио. Почти на всех континентах. Стал ли я от этого счастливее, я не знаю. Знаю точно – я был счастлив под тем солнцем детства, на скамейке перед старой белой хатой.

Этим счастьем живу.

У меня потом было много счастья. Это – первое. И невозвратное. Об остальных моих «счастьях» я рассказывать вряд ли стану. Слишком оно счастливое. И слишком оно моё. И не только.

* * *

Когда-то в детстве мне не нравилось слово «жалюзи». Оно и сейчас мне не нравится. Слишком много в нем железного. А вещь полезная.

* * *

Когда-то в детстве я жил в поселке. Тропки до туалета, который называли просто уборной, все 50 метров, чистили от снега по очереди лопатой все жильцы дома. Все 16 семей. По 4 квартиры на этаже. По 2 семьи на квартиру. На все 2 этажа. На поселке таких двухэтажных домов было 2. Остальные – четырехквартирные бараки с одной стороны улицы Шпалозаводской и простые домики в три окошка с другой. Лыж не знали, только санки. На юге, на Волге, зимы выюжные, ветреные, и снег часто сверху заметался песком и пылью из вовсе бесснежных калмыцких степей. Лыжи без особой надобности. Чистый снег был в редкость. А вот сосульки сосали. Они были длинные и совершенно прозрачные. И запомнилось – снег с валенок обметали веничком. Так и стояли лужицы от сметенного с валенок снега.

А в уборную, почему-то больше зимой, ребяташки ходили со спичками. Жгли газеты. В основном «Волгоградскую правду». Ее выписывала каждая семья. Ночью на морозе она так загадочно горела, когда газету держишь ниже пламени. Оно пламенеет, потом просто горит, потом тлеет и в конце мерцает стылыми фиолетовыми огоньками.

И – веничком снег с валенок. Только веничком. И потом – в оранжевое тепло комнаты под абажуром с махрящимися, словно солнечные лучи, краями. Мама строчит что-то на машинке. Отец листает газету. Тепло от печки, и пахнет от нее так, как пахли потом многие мои путешествия – углем. Только тогда я еще об этом не знал. Ничего. Но уже знал наизусть название всех государств и их столиц по карте, висящей на побеленной печной стенке.

* * *

Когда-то в детстве мы играли в «штандыр». Кто знает – поймет. А остальным – неважно. У них теперь мышка и монитор. И это наше время.

* * *

Когда-то в детстве мы играли в «городки». «Развивающая моторику игра» – так скажет сегодня кандидат медицинских наук. Помнящим эту игру его мнение неинтересно, они и так знают и помнят, а для молодежи его информация и вовсе не нужна. Они, при необходимости, наберут запрос «городки» в Википедии.

Теперь и я не играю в городки. А зря.

* * *

Когда-то в детстве я долго не дрался. Вокруг в то время кипели страсти по принципу: поселок на поселок, но это разделение распространялось по каким-то своим, неведомым мне тогда принципам. Дрались с кольями, арматурой, штакетником, кистетами все. Это было то неуловимое тогда желание продолжить традиции лермонтовского «Купца Калашникова», который велся с языческих времен. Только не по правилам, а уже «по понятиям».

Но я этих правил не знал. И там, где мне пришлось сразиться, я выиграл. Это была простая мальчишеская драка, где предводитель компании, мне противостоявшей, и вся компания были против меня. Я хотел быть с ними, но они меня не приняли. Я не думал о победе. Я думал о справедливости. Она оказалась сильнее физической силы.

С той драки на жарком солнце я прожил полвека. Я даже не помню моего соперника. Помню только, что по лицу его бить нельзя. Бить вообще, по моему воспитанию. А побороть, уложить ниже себя – получилось. Но я этого все же стесняюсь. Как стесняюсь увидеть рядом, на протяжении руки, любого, униженным. Понятым – да! Униженным – нет.

* * *

Когда-то в детстве рано утром гудели гудки. Собирали людей на работу. А теперь не гудят. Все сами встают. Кто по будильнику, а кто так.

И воздух в детстве был другой. Когда выходишь из дома в потемках. В школу. Совсем другой. Он был сладкий. И идти было три километра. И сзади еще солнце вставало.

Просто детство было хорошее.

* * *

Когда-то в детстве я любил спать на балконе. У нас в поселке всего два двухэтажных дома было. В нашем «двадцатом» доме были и балконы. В нашей «пятой» квартире балкон был в нашей комнате с печкой. Одно окно вместе с

дверью выходило на балкон и на солнце. Оно вставало прямо за колечками решетки. И спать было прохладно. Не то, что в комнате.

Я и сейчас вспоминаю это красное солнышко. Утром оно помещалось в колечко балконной решетки. И на него можно было смотреть. Даже не моргая. А еще с балкона можно было чуть-чуть увидеть «заволгу». Далеко, лес за Волгой.

Прохладно. Утро. И мама сейчас позовет завтракать.

Так хорошо потягиваться по утрам на балконе, где солнце помещается в колечке. А еще деревянные перила. Шершавый от потресканной коричневой краски.

* * *

Когда-то в детстве я с пацанами в камышах курил «бычки» возле клуба. Пока кто-то не крикнул: атас! Значит, надо было убегать. А это мама шла с работы. С остановки. И видела дым. И меня. И как я убегал. Дома мне досталось. Папа дал мне пачку «Беломора» и сказал: на, кури эти, чем бычки на дороге собирать. И спичку зажег: кури! А мама сказала: а ты знаешь, кто до тебя эти окурки курил? Он может заразный был. А я сказал, что курить не умею.

Мне этого урока хватило. Чтоб в детстве не курить. Да и потом. На всю жизнь.

* * *

Когда-то в детстве весной я шел из школы. Был апрель. Кругом стало так светло и просторно! Потому что опиливали тополя. И тополиные ветки валялись у дорожки. И мне так жалко стало их. Тогда я отломил одну тополиную веточку и дома поставил ее в бутылку. С водой. И она ожила. И корешки на ней появились. И я посадил ее под балконом.

Веточка выросла в дерево выше дома. И все соседи говорили: Сашин тополь. Это правда. Когда умирающее можно воскресить. Может быть это одно из главных дел, которое мне удалось в жизни.

* * *

Когда-то в детстве я сел на велосипед и поехал «в Калмыкию». Рано утром. Мне хотелось почему-то доехать до границы с Калмыкией. Пятьдесят километров. Было лето и жара такая стояла! И кругом голая степь. Её в учебниках по географии называют полупустыня. И кругом одно и то же. Дорога, сухая трава. Голая земля. Озеро Барманцак. До него я доехал. Дальше была Калмыкия. Обратно солнце уже жарило спину. Я даже домой не поехал. Сразу на Волгу. А там, на нашем берегу даже пацаны удивились. И спросили: откуда ты такой? А я сказал: в Калмыкию ездил. И нырнул в Волгу.

Как хорошо, что рядом Волга. Да и Калмыкия тоже недалеко. Когда до обеда до нее доехать можно. И к Волге вернуться.

* * *

Когда-то в детстве у нас на поселке все любили «заволгу». Это значит на выходные ехать на ту сторону Волги. Зачем? Ведь поселок наш стоял почти на берегу Волги. Только на «этом». А надо было почему-то на том. Почему? Там был песок. Там стояли ветлы и осокоря. Деревья такие. Где-то их называют ивы и тополя. Пусть так. Но если назовешь по другому одно и то же дерево, оно уже другим становится. Но главное – там была воля. Та самая, когда «и за борт ее бросает»! На выходные ехали мы «заволгу» на лодке крестного дяди Володи. Было весело и шумно. С гармошкой крестного. И все в доме жили как одна большая семья. Ну, кто-то чуть выбивался из этой семьи. Бывает. И вот плывем мы «заволгу». Утро. Волна мягкая. Маслянистая. И вдруг посередине Волги плывет крышка. От бидончика. Желтая такая.

И откуда она взялась. Посреди Волги.

Редкая загадка. Ерунда. А вот ведь помнится.

* * *

Когда-то в детстве я полюбил арбузы. Соленые. Только тогда я их просто ел.

А теперь они редко встречаются. И я их никогда просто так не ем. Ими только закусываю.

* * *

Когда-то в детстве отец купил целый грузовик арбузов. Они стоили тогда 3 копейки за килограмм. На 6 рублей он купил целых 200 килограмм! И мы их весело сгружали в наш сарайчик перед домом и потом весело ели их.

Почему-то арбуз и улыбка для меня неразлучны. Наверное, арбузная «скобка» все время похожа на улыбку. Розовую.

* * *

Когда-то в детстве отец захотел всех порадовать арбузом на свой день рождения. У него он как раз на Старый Новый год, на Василия Великого. Он просто выбрал самый большой арбуз. Толстокорый. Обмазал его глиной. И положил в кладовку.

На день рождения это был самый большой подарок. Не только отцу, а от него – всей родне.

Вот уж они радовались! И всё вспоминают этого арбуз.

* * *

Когда-то в детстве я любил кататься на замерзших лужах. Идешь по дорожке, а они сами приглашают: скатнись! Метра по два-три. Иногда короткие. А я любил длинные. Издалека увидишь. И разбежишься.

Я и теперь люблю эти катанки. Только обхожу. А когда никто не видит, то тоже разбегаюсь...

Ну, как в детстве.

* * *

Когда-то в детстве тетки и дядьки в 30 лет казались взрослыми, а в 40 почти пожилыми.

А теперь у меня дети такие.

Неужели мне остается только вспоминать «когда-то в детстве...»?

* * *

Когда-то в детстве мне казалось, что какой-то князь Святослав Игоревич или наоборот Игорь Святославович, которые кто-то кому-то кем-то приходился, они жили так давно. Что мы не запомним кто кому кем был сыном или отцом.

Я и сейчас не вспомню. Только кажется теперь, что это не так давно было.

* * *

Когда-то в детстве я влюбился в школе. В девочку из другого класса. Она была комсоргом. И я даже как-то на большой школьной конференции сидел с ней рядом. И почти не дышал. Я знал ее пальто. В крупную клеточку на темно-синем фоне. Однажды я купил шоколадку. Я написал на обертке шоколадки ее инициалы и сунул на вешалке в то пальто.

Теперь она директор какого-то большого магазина. А я уехал. Оказалось, она помнит ту шоколадку.

Наверное, так и кончилось детство. Только мы тогда ничего еще не знали. И будущее нам только мерещилось.

А оно наступило. То самое будущее. И она меня помнит. И ту шоколадку в пальто.

* * *

Когда-то в детстве я так и не понял, когда оно закончилось. Вот не помню – и всё. Наверное, он так и не закончилось. Раз я не помню. Наверное, тогда оно и закончилось. Когда положил в карман ту шоколадку.

* * *

Когда-то в детстве я стал собирать марки. Потом значки.
И куда все делось?
Наверное, я так познавал мир.

* * *

Когда-то в детстве я мечтал о любви.
Домечтался. Ну, об этом, может, попозже.

* * *

Когда-то в детстве я знал. Да и все на поселке знали: пятого дают аванс, а потом двадцатого зарплата. У проходной был магазин, напротив скверик с акациями. Мужики после зарплаты собирались «по трое», скидывались по рублю и брали «штучку». Как раз на поллитру. А к ней сто грамм кильки, колбасы краковской и осьмушку хлеба. Сарептского.

Был тогда такой хлеб, самый лучший в мире. Но об этом потом.

И вот они идут. С работы. Выходят из проходной. Идут в магазин. Выходят из него. Кульки с леденцами в промасленные куфайки свои суют. Спокойно садились в этом скверике. Группками. Расстилали газетки. «Известия», «Правду» или «Волгоградскую правду». И выпивали. А потом кто-то ходил, собирал эти бутылки. И сдавал. По 12 копеек.

Вот ведь, были и такие люди, собиравшие бутылки. По 12 копеек. А потом, как говорили, на эти деньги построившие себе целый дом.

А что мне завидовать? Я бутылки эти по 12 копеек не собирал. И счастья им, кто собирал бутылки, никто не завидовал.

У всех своя работа была.

И детям своим из куфаек кульки доставали. С леденцами.

А куфайки пахли отцовской работой.

* * *

Когда-то в детстве у нас в сарае жили утки. У кого-то и свиньи. А у нас – утки. И вот как-то раз я забрался к ним, уткам, и прямо изо рта – утинового клюва – вынул поплавок. Обычный рыбацкий по поплавкам. Откуда он там взялся, у уток?

А я потом с этим поплавком рыбу поймал. Целого линя!

* * *

Когда-то в детстве у отца был мотоцикл. Называли его «Ковровец» и на боках его были зайцы. На нём мы ездили на рыбалку. На затон. И отец закинул далеко. Далек закинул, а я увидел как удилище уползает. В затон. И мы вместе поймали линя. Огромного. Килограмма на два. Я потом ловил рыбу и побольше.

Но это потом.

А то было в детстве. Рыбы на два кило. Это ерунда – какой он был красивый, тот линь. Гладкий, слизистый. Но несчастливый. Одним словом – линь.

Вот он сейчас бы он, попадись не удочку, я б его зажарил.

А вот не попадается. Да и не ездю давно туда. Куда хочется.

Остались одни воспоминания.

Но зато их много.

Очень много.

Да и осталось-то ничего.

Совсем немного.

Об них и пишу.

А как кончу, так и мне каюк.

Или капец.

* * *

Когда-то в детстве я любил тишину. Но под моими окнами проходила электричка. И я к ней привык. Привык по расписанию. Я даже время не знал. А вот проехала электричка и я сказал бы – 14-18. И подумал бы, что на нее опоздал. А следующая будет почти через час. Днем они реже ходили. Электрички. Не то что сейчас. Я их всех знал поминутно. И из Волгограда до Шпалопропитки ехал ровно час. Все шестнадцать остановок.

Там, за Лесобазой еще минут десять ехать. За Заканальной уже можно вставать.

Да чего теперь вспоминать. Теперь одни маршрутки и остались.

* * *

Когда-то в детстве мы шли в школу. И был длинный-предлинный забор Канатного завода. Вдоль его шли. А теперь он короче кажется. Намного.

* * *

Когда-то в детстве от дома на Волгу бегали.
А теперь я иду. Важно. Не та теперь и Волга. В бетоне. А «заволга» все та же. С песочком и ветлами.

* * *

Когда-то в детстве меня дедушка Саша брал на рыбалку. Где-то на его лодке под Рай-Городом. Было такое место, его государыня Екатерина так назвала – Рай-Город. И поймали стерлядку. И дед спрятал ее в рукав фуфайки.
Так, на всякий случай. Рыба-то «красная». И ловить ее нельзя.

* * *

Когда-то в детстве мне очень нравился Чайковский. Я тогда и фамилии его не знал. Просто по радио слышно было то, чего не хватало.
Без Чайковского мир наш был бы не полон.

* * *

Когда-то в детстве у нас на поселке была одна машина. С деревянной кабиной. И в ней сидел водитель. Он же был шофёр. И все бежали следом за ним и кричали: Дядя Миша-а-а!
Такая вот была машина. А теперь их много. Машин. А где дядя Миша – я не знаю.

* * *

Когда-то в детстве я не знал, что в роду у меня были священники. И греки. Те, которых турки гнали с родной их земли. И то, что они храмы строили. На земле астраханской. Это скрывали.
А я знаю. Но больше – чувствую. Моё сложное родство севера (по отцу) и юга (по маме) – здесь, в середине России.

* * *

Когда-то в детстве отец приходил с работы. Он пахнул работой. Креозотом. И мама, и я сидели за стол в маленькой загородке в коридорчике, где стояла плитка, столик и три стула. А сверху были полки. И больше ничего. И мы ели горячие щи.

Вот маминых бы щей сейчас...

* * *

Когда-то в детстве за окном гремели электрички. Я их всех знал по минутам. Даже часы не были нужны. И они мне не мешали своим длинным грохотом. Мы с ними свыклись. И даже сроднились. Я их всех знал. Поминутно.

* * *

Когда-то в детстве я на хуторе у бабани сделал собачью будку. И украсил её колоннами. Как Парфенон.

Собаке было все равно. А я стал архитектором. Правда, теперь уже на пенсии. Какая ж сложная у меня сложилась жизнь.

* * *

Когда-то в детстве я не знал, что в моем роду были греки. Вот только климат был примерно тот же. А потом, когда про греков узнал, понял. Почему я вино водой разбавляю.

Они тоже так пили. Вино. Предки мои. Греки.

* * *

Когда-то в детстве я клал руки под подушку. И все искал прохладное место. А кругом было так жарко. И снились сны. И они для меня были черно-белые. Пока однажды в разговоре во сне я с кем-то взял, да разговорился о цветах! Потом было столько счастья, что я тоже видел цветной сон! А от горячей подушки только балкон и спасал.

* * *

Когда-то в детстве Волга была рядом. И нужно было только семь минут, чтобы до нее дойти. Через огороды, а заодно и нарвать выросших за ночь пупырчатых огурчиков.

А теперь Волга далеко. Но если заскучаю – то она рядом. Восемьсот километров. От ночи и до обеда. Люблю, когда Волгой пахнет.

Очень люблю Волгу. Особенно Плес у хутора Глухого. Там моя родина. Тихая, потаённая. Но моя, родная.

* * *

Когда-то в детстве я думал, а чего это сосед, дядя Костя, не прыгает на лестнице, через две ступеньки.

А теперь я так не думаю.

* * *

Когда-то в детстве я вообще ни о чем не думал. Просто лежал на горячем песке и смотрел как летают стрижи.

И их было много и мелькали они быстро. Как молнии. Черные такие. И ну очень быстрые.

* * *

Когда-то в детстве
я и не мечтал быть писателем.

А вот стал. Но писателем себя не считаю.

У меня всегда теперь в жизни стоит по утрам эта интересная строчка: *Когда-то в детстве...*

Она и это ее многоточие меня вдохновляют. И я знаю, что эту книжку под названием «Когда-то в детстве...» мне никогда не закончить. А кто-то подобную закончил. И даже большим начальником стал. А я – нет. Избежал.

Почти послесловие

* * *

Когда-то в детстве мне сказали, что я родился у немцев. В Сарепте. Это был стапый поселок, еще при Екатерине Великой. Она ведь тоже из немцев была. 1764 год. И там был роддом. Уже не у немцев, их уже тогда прогнали еще в войну и линия фронта как раз проходила рядом с Сарептой. В котором я потом, спустя десяток лет родился. Так странно было, что немцы были рядом. Но меня

еще не было. Я родился спустя 12 лет, 1 месяц и 21 день до Победы. И мы потом всё играли в войну. И немцем никто не хотел быть. Я немцем ни разу не был.

Всё кажется мне, что его и сейчас его жду. Дня Победы. Каждый год. А они, кто не жил ни разу в России, кто ее не знает – они все ждут ихней победы. Дураки они. Россия ни разу не сдавалась. Ни разу. Никому.

* * *

Когда-то в детстве мои родители поехали в тур. То есть в туристскую поездку по Волге на теплоходе «Климент Ворошилов». А мне оставили в холодильнике трехлитровую банку чёрной икры. Она стояла тогда шестьдесят рублей. А сайка хлеба – шестнадцать копеек.

Вот и приходилось так жить: намазывал и ел.
И выжил те три недели. Пока приехала мама.
И сварила борщ.

Золотая рыбка в стволе дерева

Золотистый линь на удочку
Немцы в Сарепте и на Шпалозаводе
Базар в Сарепте
3 км от дома до школы
7 км между хуторами
Рубль в дупло дуба – спилили
Хомячки в квартире – сбежали
Рельсы над Волгой – обрыв
Грибы с Валеркой
Тазик с варениками
Корыто с раками